

The book cover features a collage of images. At the top, a space station or satellite is shown against a blue sky. Below it, a large, stylized white star is positioned behind the word 'Хроники'. The background is a mix of a blue sky with clouds and a brown, rocky landscape. In the foreground, a person in a yellow protective suit and helmet is visible. To the left, there is a red, jagged shape resembling a dinosaur's head. The title 'Ионы Щекета' is written in a large, white, stylized font with stars. At the bottom, the words 'Книга 3' are in yellow, followed by 'ЗВЕЗДНЫЕ ИСТОРИИ' in a bold, yellow, sans-serif font.

Павел Шмидт

Хроники
Ионы Щекета

Книга

3

ЗВЕЗДНЫЕ
ИСТОРИИ

Хроники Ионы Шекета

Павел Амнуэль

Звездные истории

«Остеон-Групп»

Амнуэль П. Р.

Звездные истории / П. Р. Амнуэль — «Остеон-Групп» ,
— (Хроники Ионы Шекета)

ISBN 978-5-85689-210-8

Если бы Йон Тихий вернулся со звезд в наши дни, он позеленел бы от зависти. Ведь последователь Тихого Шекет превзошел достижения «учителя». Шекет пользуется правом совершать путешествия во всех стихиях, возможных и невозможных, и всюду находит приключения на свою голову. Он не только космопроходец, он еще и времяпроходец, астралопроходец и даже текстопроходец литературных миров. Выпускник Оккультного университета, сотрудник патруля времени, виновник гибели динозавров, межзвездный дипломат честно повествует историю своей жизни. Слава бежит впереди него. Едва завидев Шекета, испуганные мухи превращаются в слоноподобных единорогов, а межзвездные киты меняют траекторию, в страхе унося свои туши. И, конечно, отдельного упоминания заслуживает предложенный Ионой способ корректировки астрологической предопределенности путем разжигания новых звезд. Перед вами сборник отличных, остросюжетных и действительно интересных рассказов, публиковавшихся в разные годы в периодической печати Израиля. Все эти произведения вышли из-под пера признанного мастера пера Павла Амнуэля, известного в России преимущественно в жанре фантастики.

ISBN 978-5-85689-210-8

© Амнуэль П. Р.
© «Остеон-Групп»

Содержание

Несколько слов про Иону Шекета	6
Звездные истории	7
На всех парусах	7
Планета дарителей	10
Воспоминания о будущем	13
Планета единорогов	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Песах Амнуэль

Звездные истории

© Песах (Павел) Амнуэль, 2014.

© Издательство «Млечный Путь», 2014.

© ООО «Остеон-Пресс», оцифровка текста, вёрстка, 2014.

* * *

Несколько слов про Иону Шекета

Если бы Ион Тихий вернулся со звезд в наши дни, он позеленел бы от зависти. Ведь последователь Тихого Шекет превзошел достижения «учителя». Шекет пользуется правом совершать путешествия во всех стихиях, возможных и невозможных, и всюду находит приключения на свою голову. Он не только космопроходец, он еще и времяпроходец, астролопроходец и даже текстопроходец литературных миров. Выпускник Оккультного университета, сотрудник патруля времени, виновник гибели динозавров, межзвездный дипломат честно повествует историю своей жизни. Слава бежит впереди него. Едва завидев Шекета, испуганные мухи превращаются в слоноподобных единорогов, а межзвездные киты меняют траекторию, в страхе унося свои туши. И, конечно, отдельного упоминания заслуживает предложенный Ионой способ корректировки астрологической предопределенности путем разжигания новых звезд.

«Звездные дневники» – жанр внутри жанра, где главным правилом является нарушение всех правил и стереотипов. Придерживаясь этого правила, Амнуэль нигде не скатывается в подражание. Огромное количество тем и сюжетных мотивов современной фантастики, давно уже не-научной, он обыгрывает по-своему, везде стараясь придумать что-то новое. Попутно проводя ликбез по астрофизике. Такое чтение занято и забавно. Перед нами лаборатория фантастического письма: на конкретных примерах автор пытается выяснить, как происходит зарождение веселости из духа фантастики и куда фантазии могут завести автора, если дать им волю. Результат противоречив: необдуманый вымысел может оказаться пустым и вялым. Но другие искры сияют ярко и способны раздуть фантастический пожар. Оригинальных образов, собранных в этой книге, хватило бы на сотни обычных произведений. Перед нами одна из наиболее последовательных и смелых попыток сформировать коллекцию новых идей и тематических линий – не для развития жанра, а просто так. Просто потому, что фантазия есть неостановимое качество величайшей ценности.

Сергей Некрасов
«Если», № 4, 2005

Звездные истории

На всех парусах

Некоторые говорят, что межзвездные полеты убили романтику. Дескать, выходила раньше влюбленная парочка на балкон своего блочного дома, смотрела в небо и мечтала, глядя на звезды – загадочные, яркие и слабые. А теперь о чем мечтать, если знаешь, что к этим раскаленным газовым шарам мчатся сотни металлических громадин, влекомых вовсе не игрой фантазии, а жаром атомных реакторов? А как было бы хорошо передвигаться от звезды к звезде на парусниках или даже на байдарках! Сколько романтики... Сколько препятствий, позволяющих каждому мужчине ощутить себя героем, а каждой женщине вообразить себя амазонкой!

Так может рассуждать лишь человек, никогда не покидавший Землю. Мне доводилось не раз перемещаться от звезды к звезде. Какие только способы я не использовал! Бывало, я передвигался вообще на своих двоих – с помощью ранцевых двигателей системы Огорискина-Метелли. Однако, самое романтичное, что я помню: это полет на суперзвездолете «Москва», вмещавшем две с половиной тысячи пассажиров. Стоишь на прогулочной палубе, перед тобой на обзорном экране сияют звезды... совсем так, как если бы ты стоял с дамой сердца на балконе своего блочного дома и мечтал, как мечтали твои предки.

Есть, правда, в космосе и другая романтика, но к ней обычно не стремятся те, кто путешествует ради отдыха. Я имею в виду гонки на космических парусниках. Не на тех парусниках, конечно, что выпускает на потребу обывателя Лиссабонский завод космосудостроения. Я говорю о космических парусниках типа *Stellarium erectus mobile*, относящихся к подвиду хищников, виду позвоночных и классу углеродоживущих. Мы, звездные путешественники, называем этих животных емким словом «бредуны». Здесь по меньше мере два смысла. Первый: бредуны действительно бредут в космической пыли, не торопясь и не зная цели. И второй смысл: попробовав оседлать бредуна, путешественник обычно начинает бредить, ему мерещится, что он попал в страну своей мечты, стал, допустим, халифом или председателем домового комитета... Трудно потом вернуться к обычному течению жизни. Но приходится, и это главный недостаток общения с бредунами.

Своего первого бредуна я оседлал, когда возвращался на Землю с Дарсана. Шла третья неделя полета. Я стоял у иллюминатора, глядел на звезды и пытался понять, какая романтика заключена в этих ярких гвоздях, вбитых в черный бархат небесного... э-э... ну, вы понимаете, что я имею в виду, у меня просто не хватает памяти пересказывать ту романтическую чепуху, которая радовала наших предков.

Стою я, смотрю на звезды, и вижу: наплывает на мой корабль какая-то тень, чернее самого пространства. И ощущение возникает соответствующее: будто мир исчез, и ты попал в рай, где с тобой сейчас начнут разговаривать ангелы. Хорошо, что я сразу сообразил: мой кораблик оказался на пути бредуна, и я могу пережить одно из самых удивительных приключений.

Я мигом надел скафандр (в ту пору я еще не поставил себе искусственных легких и вынужден был облачаться в пластик, выходя в космос), открыл люки и вылез на поверхность корабля. Бредун висел над моей головой подобно гигантской простыне с бахромой. Если животное свернется клубочком, то я вместе со звездолетом окажусь внутри, будто в мешке, и бредун начнет меня переваривать... Нет, это была не та смерть, какую можно пожелать порядочному путешественнику!

Я прыгнул и оказался на мягкой поверхности паруса. Собственно, само тело бредуна невелико, по размерам не больше нильского крокодила и по форме похоже. Но вместо лап у бредуна паруса – три полотнища, которые у взрослой особи достигают, как я уже говорил, раз-

меров трех и более километров. Паруса улавливают и отражают свет звезд, как парусные суда девятнадцатого века улавливали ветер. Давление звездного света невелико, и потому бредуны не могут двигаться быстро – они не в состоянии развить скорость больше трех тысяч километров в секунду. Но и этого достаточно, поверьте мне!

Итак, я стоял на пупырчатой поверхности паруса и прекрасно понимал, что мне грозит смертельная опасность: либо я в течение пяти минут обнаружу крокодилю тушку – тело бредуна, либо поплыву по волнам галлюцинаций, и мне станет так хорошо, что я никогда больше не вернусь ни на Землю, ни вообще никуда.

Вы пробовали бежать по болоту? Ощущения были именно такими. Я видел небольшой выступ метрах в трехстах – это была голова хищника, она глядела на меня фасетчатым глазом и ждала, когда я впаду в ступор, чтобы поглотить и переварить. Кстати: переваривают бредуны не тело человека, а его жизненный опыт – воспоминания, умения, знания. Делиться этим грузом я не собирался, а бежать и хватать зверя за глотку уже и времени не было.

И что я мог сделать?

То, что подсказала мне моя богатая фантазия. Я вытащил из карманчика, расположенного на груди скафандра, пистолет с клеящим веществом (используется для латания дыр, пробитых микрометеоритами) и, прицелившись, пальнул прямо в фасеточный глаз животного. Только не спрашивайте, попал я или нет. К вашему сведению: я попадаю с первого выстрела в глаз утки, летящей на высоте полукилометра, и это на Земле, где сила тяжести искажает все траектории. Естественно, я не промахнулся и на этот раз. Клейкое вещество залепило глаз и лишило бредуна возможности видеть то, что происходило вне его сознания. Пришлось бредуну погрузиться в глубину собственного «я», а мне это и было нужно. Теперь все галлюцинации, какие могли возникнуть в подсознании этого животного, всплывали не в мозгу у жертвы (моем – в данном конкретном случае), а в собственном мозгу бредуна.

Я до сих пор не знаю, что именно увидел «мой» бредун. Как бы то ни было, конечности его расслабились, и поверхность паруса, на которой я стоял, стала твердой, как стол, и такой же плоской. Теперь я уже без опаски мог потренироваться в управлении этим удивительным парусом. В запасе у меня было часа два-три, я-то знал, что клей только в инструкции называется вечным, а на самом деле слезная жидкость любого космического животного способна расплавить этот состав – нужно только время.

Я подбежал к торчавшей, будто торшер, голове бредуна с залепленным глазом и нашел на лысом черепе два небольших рога: насколько я знал, это были антенны, с помощью которых бредуны связывались между собой. Рожки можно было использовать и иначе: подавая команды на впавший в ступор мозг.

Я огляделся – чуть в стороне сияла гамма Ориона, а над поверхностью паруса мрачно висел Антарес. Он-то мне и был нужен – точнее, давление его красных лучей. Я сдвинул один из рогов на голове бредуна вправо – ровно настолько, чтобы поверхность паруса повернулась на три с половиной градуса, и звездный ветер почувствовал свою силу.

О, какое это было ощущение! Парус напрягся подо мной, инерция прижала меня к поверхности, и мы помчались. Я немного передвинул рог управления, поверхность паруса чуть наклонилась, курс изменился, и я увидел Солнце. Еще одно движение рога, и мы мчались уже в направлении Солнечной системы – домой. Естественно, домой ко мне, ибо никто не знает, где находится дом этих крылатых космических тварей.

Я был так очарован полетом на бредуне, что из моей головы начисто исчезли всякие мысли о кораблике, на котором я летел, когда увидел в иллюминатор приближавшийся парус. Мой корабль исчез в глубинах космоса, и найти его теперь мог разве что оборудованный поисковой аппаратурой разведчик.

Я понял, в какую историю влип, только тогда, когда от фасеточного глаза начали отваливаться один за другим слои клейкого вещества. Сейчас животное очнется, увидит меня перед

собственным, как говорится, носом и... И все – дни мои будут сочтены, я навсегда останусь в мире галлюцинаций, навеянных сознанием бредуна!

Кто-нибудь другой наверняка впал бы в уныние, но опасность лишь придает мне сил. Пока еще поверхность паруса сохраняла твердость металла, я подошел к голове бредуна и плюнул в фасеточный глаз, напоминавший глаз огромной мухи. Немногие это знают, но в космическом холоде человеческая слюна действует не хуже, чем патентованный клей фирмы «Тамбур». Правда, я не подумал в тот момент о том, что нахожусь в скафандре, и в результате оплевал стекло собственного шлема. Но это была небольшая беда – щетки мигом очистили стекло и вывели мою слюну наружу. Остальное было делом техники – глаз бредуна был опять залеплен, животное вновь погрузилось в разглядывание собственных галлюцинаций, а я перевел парус в режим движения по галсам. Кто не знает, что это такое, пусть спросит у капитана любого из клиперов, бороздивших просторы Индийского океана в конце XIX века. Да, это было давно, и капитаны клиперов давно умерли, но это уже не мои проблемы, верно?

Ровно через двое суток я подвел своего бредуна к орбитальной станции Плутона и напоследок еще раз плюнул в глаз животного, чтобы у диспетчеров было время закончить швартовочные операции. Меня встретили как героя, но все эти церемонии меня совершенно не интересовали. Я ведь больше двух суток провел в скафандре и ничего не ел, поскольку перед выходом забыл наполнить пищевые контейнеры.

Поэтому я воздал должное бифштексу и под одобрительные возгласы экипажа орбитальной станции позволил своей записной книжке рассказать о моих приключениях.

Планета дарителей

Среди моих многочисленных приключений в просторах Галактики особняком стоит пребывание на планете, название которой вы не найдете ни на одной звездной карте. Не потому, что планета засекречена или карты не полны, просто у планеты этой на самом деле нет названия, на картах она обозначается белой точкой, похожей больше на дефект в голографической ткани изображения. Честно говоря, я не понимаю, как могут люди жить на безымянной планете. Спрашивают тебя, допустим: где ты живешь? И ты гордо отвечаешь: «На Земле». Или со злобной ухмылкой: «На Геппрехоре» (Гиппрехор – действительно гнусная планета, но о ней я расскажу в другой раз). Но можете ли вы ответить: «Я живу на планете без названия?» Не знаю, не знаю... Хотя, с другой стороны, эта планета – действительно единственная среди всех этих Земель, Марсов, Венер и прочих Химмодрукариев, не названная никак. Так что, если скажете, что живете на планете, которую не удосужились назвать, – вас поймут и доставят по назначению.

Меня привело на космодром безымянной элементарное любопытство. Я увидел в звездном атласе пупырчатую белую точку, потер ее пальцем, выяснил, что это реальное образование, а не голографический фантом, удивился отсутствию названия и отправился выяснить, в чем дело. Уже на внешней орбите со мной связался автоматический диспетчер и спросил:

– Какого черта?

– Да так, – ответил я, – пролетом с Капеллы на Альбиро.

– Налево, – посоветовал диспетчер, – а потом пять румбов к полюсу мира, не ошибетесь.

– Да я и так не ошибаюсь, – миролюбиво сказал я. – Но, если не возражаете, хотел бы у вас приземлиться.

– Зачем? – буркнул автомат.

– А низачем, – разозлился я. – Просто так!

Знаю я эти автоматические службы. Если бы я назвал любую причину приземления, диспетчер непременно нашел бы повод мне отказать. Например, если бы я искал на безымянной планете свою умершую бабушку, то в приземлении мне отказали бы под предлогом того, что кладбища здесь частные и потому не подлежат исследованию. А что мог противопоставить диспетчер моему «просто так?» Отказать под тем же предлогом, то есть – нипочему? Да он бы скорее принял удар током! Вот так и получилось, что диспетчер онемел от моей наглости, и я спокойно опустил звездолет на посадочное поле.

Встретил меня сам начальник космопорта, сидевший на краю стартовой шахты и державшийся за топливный путепровод тремя щупальцами головной присоски. Судя по физиономии, родом начальник был с Беллатрикса, хотя отсутствие нижнего плеча наводило на мысль о том, что он мог родиться и на Зигмале. Впрочем, плечо начальнику могли отдавить и подчиненные – я-то знаю, как относятся к уроженцам Беллатрикса все остальные особи Галактики...

– Шекет, – проскрипел бравый начальник. – Может, вы хоть мне скажете, что вам здесь нужно?

– Ничего! – сказал я. – Единственное, что меня интересует: как вы живете на планете, у которой даже названия нет?

– Названия потому и нет, что мы здесь живем, – пожал верхним плечом начальник, думая, видимо, что дал исчерпывающий ответ.

Он решил, что от Шекета легко отделаться?

– А почему же вы здесь живете? – заинтересованно спросил я. – Разве в Галактике мало планет с названиями?

– Послушайте, Шекет, – разнервничался начальник и замахал перед моим носом одиннадцатью носовыми щупальцами, – у нас проводятся важные эксперименты, и ваше присутствие нежелательно!

– В таком случае я остаюсь здесь на всю оставшуюся жизнь! – воскликнул я. – И посвящу эту жизнь тому, чтобы узнать, в чем ваши эксперименты заключаются!

– Да? – загрустил начальник. – Скажите: вы верите в Бога?

– Нет! – твердо сказал я.

– Тогда скажите: откуда у разумных существ появляются представления о моральных ценностях? Только не говорите, что народ их сам и выдумывает, вы же грамотный человек, да еще землянин, должны знать, что, например, до заповеди «не убий!» нормальное разумное существо додуматься не в состоянии.

– Хм... – протянул я. – Вопрос, конечно, интересный. Пожалуй, вы правы. Но при чем здесь...

– При том. Вы находитесь на планете, где ведутся научные разработки заповедей для цивилизаций Галактики, еще не осознавших, что без морали будущее их окажется смутно и бесперспективно.

– Как интересно! – воскликнул я. – Я бы хотел посмотреть!

– А потом вы улетите? – с надеждой осведомился начальник.

– Естественно. Не думаете же вы, что я действительно способен прожить здесь остаток дней!

Приободренный начальник подпрыгнул на ложноножках и перекатился на дорогу, которая вела из космопорта в направлении серых гор. Я вывел вездеход и поехал следом.

Не успели мы углубиться в ущелье между двумя горами, как начальник вытянул вверх все свои щупальца и заявил:

– Вот, к примеру. Направо, видите?

Я увидел. В небольшом пруду между скал плескалась стая странных рыб с двумя головами. Одна из рыб, чуть побольше остальных, вылезла на берег и пыталась, помогая себе плавниками, вскарабкаться на довольно пологий холм. На вершине холма сидел нагловатого вида научный работник – по виду то ли с Антареса, то ли с Драни – и следил за мучениями рыбки, даже не пытаясь протянуть ей руку помощи.

– Как насчет братской солидарности? – спросил я. – Почему этот тип наверху не поможет тому типу внизу взобраться...

– Чистота эксперимента, – заявил начальник космопорта, придерживая меня верхним плечом, чтобы я не полез помогать страждущему. – Ставится опыт по дарению заповедей аборигенам планеты Азулай. Это земноводные существа, сейчас они кочуют из одного океана в другой, убивая друга почем зря. Наши ученые уже разработали для них комплекс моральных ценностей и теперь тренируются в процессе дарения.

– Аборигены хоть настоящие? – с подозрением спросил я.

– Конечно, нет! – возмутился начальник. – Как можно ставить опыты на живых существах? Это виртуальные копии! Когда эксперименты будут завершены, на Азулай отправится экспедиция и произведет дарение в полевых условиях. У аборигенов появится вера, они поймут наконец, как им нужно поступать...

– Интересно, – сказал я. – С заповедью «не убий» мне понятно. А что с другими? Может, у них и воровать нечего, зачем им тогда соответствующая заповедь?

– Так ведь для того мы здесь работаем! – воскликнул начальник космопорта с таким видом, будто и он был причастен к научным разработкам. – Скажем, этим рыбам с Азулая совершенно необходима заповедь «не ставь жабру поперек горла соседа». Сами они до этого пока не додумались...

Виртуальная копия азулайского аборигена между тем добралась почти до вершины холма, и научный сотрудник взялся за дело. Ну и представление он устроил! Пускал дым из ноздрей, прыгал, светился, пел странные песни без музыки, но со словами, которые, правда, не имели никакого смысла... В общем, делал все для того, чтобы азулаец понял: перед ним Он. Тот, Который Сейчас Что-То Даст. Рыбина перестала дергаться и застыла, ожидая Дара. Экспериментатор протянул вперед все четыре руки и прицепил к плавникам азулайца тонкие волокна. Азулаец благоговейно застыл, а потом неожиданно взбрыкнул хвостом, волокна разорвались, что-то засверкало на вершине, раздался грохот, и бедная рыбина полетела в пруд кувырком.

– Эх! – раздосадовано воскликнул начальник космопорта. – Шестой дубль за две недели. Что-то у них не получается с нитями. У азулайцев, понимаете ли, линейное письмо, а нити, которые для этого пригодны, почему-то рвутся... Ничего, все будет хорошо, у наших ученых еще не случилось ни одного сбоя! В Галактике не существует цивилизаций, которые на раннем этапе развития не получили бы моральных законов в виде религиозных заповедей.

– Вот как, – пробормотал я, чувствуя странное напряжение в суставах. – А давно ли на вашей планете существует этот... э... научный центр?

– Давно, – сказал начальник. – Я здесь всего семьсот лет, мой предшественник работал полную смену, то есть три тысячелетия, а до него...

– Достаточно, – прервал я. – Меня интересует, не проходила ли по вашему ведомству планета Земля. Это было примерно...

– Как же, – обрадовался начальник. – Проходила! Это было в смену моего предшественника, но я люблю просматривать записи. Интересная была работа. Теорию для землян готовили, кажется, на лучших компьютерах центра, виртуальную копию человека разрабатывали несколько столетий. Ей даже имя дали... не помню, правда...

– Зато я помню, – буркнул я.

– Ах, простите, – смешался начальник. – Я и забыл, дорогой Шекет, что вы с Земли. Вас задевает, что...

– Могу я посмотреть ту запись? – спросил я.

Начальник загрустил.

– Боюсь, что нет, – вздохнул он, и его щупальца безнадежно повисли. – У нас не принято показывать записи экспериментов представителям тех цивилизаций, для которых здесь готовили системы моральных принципов.

– Ясно, – сказал я и повернул вездеход.

– Улетаете? – обрадовано спросил начальник.

– Да, – твердо сказал я. – Ваши разработки очень интересны, но...

– Но что? – нахмурился начальник.

– А то, что у нас на Земле и сейчас убивают – не так часто, как сто лет назад, но все же... И воруют – ох, как воруют! А уж относительно прелюбодеяний я вам скажу...

– Не надо, – прервал меня начальник. – Я все понимаю.

Он перекачивался за мной по дороге и кричал вслед:

– Мы делаем все, что можем! Но мы же не виноваты в том, что мы хотим, чтобы было как лучше, а получается как всегда!

Я добрался до звездолета, поставил вездеход в гараж и задраил люки.

– Да! – вспомнил я уже после того, как корабль вышел из атмосферы. – Этот тип так и не сказал, почему планета не имеет названия!

– А что тут непонятного? – въедливо сказал мой компьютер. – Планета, где экспериментируют над моралью. Только названия ей не хватало...

Воспоминания о будущем

Тот, кто придумывал законы природы, наверняка был уверен в том, что никому и никогда не придет в голову их нарушить. Я сам читал в учебнике физики для средней школы: «Закон природы невозможно нарушить, потому что это невозможно». Впрочем, там, кажется, сказано было иначе, но смысл, можете мне поверить, именно таков. Со временем, однако, люди стали относиться к скорости света (фундаментальному закону природы!) так же, как относятся к дорожным знакам, запрещающим ездить быстрее, чем 250 километров в час. Смотришь, значит, по сторонам, и если не фиксируешь взглядом воздушку дорожной полиции, то жмешь на акселератор и выжимаешь из двигателя и 300, и 400, а порой – если приспичит – и 500 километров в час.

Скорость света, конечно, иное дело, но после того, как Жулавский изобрел свои генераторы, к пределу скоростей стали относиться не лучше, чем к президенту. Одно время у молодежи было большим шиком разогнаться на трассе Солнце-Сириус, перейти световой барьер и дальше шпарить, ничего не видя и не понимая – как получится. После нескольких смертельных случаев было решено поставить на всех трассах Галактики специально для этой цели сконструированные ограничители скорости. Было это, если мне память не изменяет, в 2075 году. С того времени летать в плоскости Галактики стало значительно безопаснее, а то раньше как было? Движешься по трассе, не нарушаешь, и вдруг перед тобой вываливается в пространство невесть откуда звездолет в огненном коконе, и капитан вопрошает с надрывом в голосе:

– Какой это год, не скажете?

Услышав ответ, эти герои космоса обычно хватаются за голову, вопят: «Опять промахнулся!» и газуют по новой, поскольку не только нашкодить, но и исправить положение можно только если перейти световой барьер.

Я хочу сказать, что у меня лично никогда не было желания сорвать ограничитель и включить первую форсажную мощность. Однажды мне пришлось все-таки испытать это мучительное удовольствие – не по своей, конечно, вине.

Я возвращался, помню, с Альбирео, где выступал по местному видео с рассказом о своих юношеских приключениях в Патруле времени. На обратном пути к Земле меня и настиг космический шершень.

Не буду описывать, как выглядит это насекомое, летающее по Галактике в районе третьего рукава. Во-первых, у меня нет необходимого словарного запаса, а во-вторых, я хочу побереечь ваши нервы, ибо ничего более гадкого я не видел в своей жизни. Ко всем прочим прелестям шершень может развивать скорость, близкую к световой. Что остается делать кораблям, за которыми погнался этот мерзкий монстр? Уходить в сверхсвет или вступать в поединок. От одной мысли о поединке у меня свело скулы – я, конечно, уничтожу тварь, но каково будет ее многочисленным детям, которые останутся без матери? Только из этих соображений я сорвал предохранители и нажал на все акселераторы.

Звездолет рванулся, что-то ярко вспыхнуло за бортом, звезды померкли, а потом появились опять, и на табло загорелась надпись: «Скорость 1,1 световой».

Вот тут-то я и понял на собственной шкуре, что означает слово «наоборот».

Надеюсь, читателю не нужно объяснять, что в сверхсветовом режиме все природные процессы идут вспять. Прошлое как бы меняется местами с будущим, будущее – с прошлым, в пространстве минусы меняются на плюсы, а то, что меняться не может по определению, просто исчезает, будто его никогда не было.

Вырвавшись на просторы сверхсвета, я начисто забыл, откуда родом. Вообще говоря, это не имело никакого значения, но ведь именно такие мелочи обычно и тревожат больше всего.

«Откуда я родом?» – такой была моя первая мысль после того, как я взглянул на спидометр и обнаружил, что скорость света осталась где-то внизу.

Я не смог ответить себе на этот простой вопрос! Неужели с Фрагаллы? Нет, исключено. Тогда – с Вольфа Шестнадцатого? Нет, с чего бы это? Может, с Арктура? Знакомое название, но я решительно не знал, что оно означает.

Ну и ладно, – сказал я себе. Откуда бы я ни прибыл, сейчас важно знать, куда я направляюсь. Но и на этот вопрос я не сумел подобрать ответа. На обзорном экране я видел белый фон Вселенной с черными крапинками звезд и не мог понять, что именно в этом пейзаже кажется мне непривычным. Расположение созвездий? Да кому оно вообще интересно, это расположение? Млечный путь выглядел как всегда – черная сыпь на белом теле мироздания.

Я попытался вспомнить, как попал сюда, но и этого сделать не смог тоже. Зато я живо вспомнил процесс собственных похорон: я лежал в гробу и смотрел в потолок, а мимо – почему-то задом наперед – шли важные государственные персоны, и все говорили о том, каким замечательным человеком и космопроходцем будет Иона Шекет. Мне не понравилось это воспоминание, я отогнал его, будто назойливого тигра, и тут же вспомнил, как, будучи немощным старикашкой, пытался взобраться на марсианскую гору Никс Олимпика. Мне было в ту пору сто двадцать семь лет, но я лез вверх с упорством столетнего. И добрался-таки, и водрузил на вершине какой-то флаг в дополнение к трем сотням других, уже украшавших эту деталь марсианского пейзажа.

А еще я вспомнил, как на свое столетие пригласил всех президентов Соединенных Штатов Земли, но не пришел ни один, хотя каждый прислал поздравительное послание – тем более длинное, чем меньше был размер его штата. «Будь здоров, Шекет!» – написал мне президент Израильского штата Амнон Брумел. А президент микроскопического штата Москва-кольцевая прислал поздравительный адрес, в котором оказалось две тысячи триста семьдесят шесть страниц – среди них около двух тысяч незаполненных.

Воспоминания нахлынули на меня, как прилив на тихоокеанский берег, и мне не оставалось ничего иного, кроме как утонуть в пене прибоя. Я вспомнил, что когда мне было девятью, мы с моим другом депутатом Ниссимом Корешем попытались взорвать буфет кнессета – очень уж нам докучали завезенные с Юпитера тараканы. Они лазили по тарелкам, а убивать их запрещала международная конвенция, поскольку юпитерианские насекомые обладали разумом, хотя и на уровне малолетнего младенца. Ты его настигаешь на месте преступления за поеданием твоего бифштекса, а он на тебя же и кричит: «Дядя па-а-хой! Не юбью дядю!»

А еще я вспомнил, как отправился в кокон Вселенной, чтобы разобраться наконец, каким образом возникло знаменитое правило буравчика. Мне было тогда семьдесят два года, до пенсии оставалось всего ничего, и нужно было торопиться выполнить свою жизненную программу-максимум. В кокон я отправился на...

Тут я все-таки высунул голову из океана воспоминаний и спросил себя: «Шекет, что происходит? Почему ты вспоминаешь то, что с тобой еще не происходило? Как это вообще возможно – вспомнить собственное столетие, если сейчас тебе всего сорок три года? Может, это просто игра расшалившейся фантазии? А ну-ка, попробуй вообразить себе, как в день своего столетнего юбилея ты будешь пить шампанское с друзьями на Ганимеде!»

Я попробовал, и у меня ничего не получилось. Согласитесь, есть разница между фантазиями, которыми можно играть по собственному разумению, и воспоминаниями, устоявшимися и неизменными по сути своей, ибо то, что было, то и было. Так вот, я ничего даже мысленно не мог изменить в своем будущем, в то время как с прошлым, которое, казалось бы, должно было выглядеть незбылемым, как скала, я мог играть так, будто мне еще только предстояло его пережить.

Я представил себе свое детство в подводном лагере Эйлат. Я прекрасно знал, конечно, что в дни моего детства подводный Эйлат только проектировался, и ни у кого не было уверенности,

что денег хватит хотя бы на возведение основания. Но я все равно представил себе, будто живу в огромном аквариуме, на ногах у меня ласты, а в грудную клетку вживлены синтетические жабры, и я играю в ватербол с ребятами из иорданского города Акаба, вколачиваю гол... нет, три гола... а еще лучше пять.

Воображение рисовало мне мою юность, и я менял ее, как хотел. Служба в Патруле времени? М-м... Нет, лучше поработать в лаборатории Неемана. Чистое помещение, хорошие оклады...

Фантазию перебило воспоминание о том, как я, в возрасте семидесяти пяти лет, отправляюсь послом на планету Дан-7. Сбывается моя мечта – я официальное лицо, представитель Соединенных Штатов Земли. Я вручаю верительные грамоты президенту Дана-7, и он целует меня в затылок по местному обычаю...

На мгновение я пришел в себя (должно быть, поцелуй оказался слишком крепким), обнаружил, что сижу в кабине звездолета, и спидометр показывает 1,1 скорости света... Ах, вот оно что, подумал я. Конечно, время здесь идет вспять, я помню то, чего еще не было, но о том, что уже было, могу только догадываться и строить планы.

Нужно выбираться! – мелькнула мысль. Иначе я, подобно алкоголику, буду пить воспоминания о будущем, а прошлое забуду, да его уже и не было вовсе... Понятно, почему на всех трассах Вселенной висят ограничительные знаки: «Проезд со скоростью более 300 тысяч км/с запрещен!»

Из последних мысленных сил я надавил на сенсорный переключатель, и звездолет начал экстренное торможение. Естественно, я не помнил уже, что в сверхсвет отправился, спасаясь от проклятого шершня.

Когда небо за бортом вместо молочно-белого опять стало черным, а звезды приобрели свои привычные оттенки цветов, я не сразу понял, чем прошлое отличается от будущего. Все на миг перемешалось: рождение со смертью, женитьба с разводом, болезни с выздоровлениями, война с миром. Но правы оказались те путешественники, кто, вернувшись из сверхсвета, говорили: «Мгновение и вечность – никакой разницы!»

Шершень уже почти настиг меня, но то, что казалось мгновением, растянулось для меня на целую вечность, я спокойно навел на гадину кормовое орудие, тщательно прицелился и выстрелил.

О результате умолчу.

Я вернулся на Землю и никому не стал рассказывать о том, что пережил за световым барьером. Мне, знаете ли, не доставляет удовольствия воспоминание о собственной немощи и старости. К тому же, на мои похороны могли прийти куда больше официальных представителей – ведь я прожил такую замечательную жизнь! Обидно.

Планета единорогов

О путешествии на планету Единорогов я рассказывать не хотел. Во-первых, попал я туда вовсе не потому, что очень желал этого. Во-вторых, – не один. Видите ли, я терпеть не могу путешествовать или, тем более, выполнять какую-то работу в компании – выслушивать мнение попутчика или компаньона по поводу ужасных дорог или не менее гнусного провала во времени в районе Беты Стрельца... Особенно не люблю выслушивать чужое мнение, зная, что собеседник прав – тогда я вынужден как бы подчиняться чужой воле, что для моего независимого характера совершенно невыносимо. Но ведь если перед тобой лежит белый камень, и твой компаньон говорит, что камень белый, ты ведь не станешь ради удовлетворения собственного самолюбия утверждать, что камень черный! Я знаю людей, которые на это способны, но сам к числу таких людей не принадлежу. Если мне на белое говорят, что это белое, я соглашаюсь, но потом в течение недели ощущаю сильную изжогу и неодолимое желание перекрасить белое в черный цвет самой несмываемой на свете элдохринной краской...

Это я все к тому говорю, что, когда Фред предложил мне слетать на планету Единорогов, первым моим желанием было сказать: «Нет». Фред Ньюмен – хороший парень, мы с ним как-то служили в одном отряде Патруля времени, делая свое дело, конечно же, поодиночке. А однажды много лет спустя встретились случайно в буфете космопорта Бен-Гурион, похлопали друг друга по спине (по-моему, Фред поставил-таки пластиковые ребра, что-то подозрительно скрипело у него внутри, когда я давал приятелю тумака), а потом он неожиданно сказал:

– Послушай, Иона, я сейчас улетаю на Каппу Телескопа, не хочешь ли составить мне компанию?

Вопрос был слишком неожиданным, до меня не сразу дошла вторая его часть, и я ухватился за первую:

– Что еще за Каппа Телескопа? Никогда о такой не слышал.

– Звезда класса «ка-шесть». Карлик. Есть планета, похожая на Землю, называется Блямзик.

– Хорошее название, – пробормотал я.

– Блямзик, – пояснил Фред, – это «планета» на языке альдераминцев, они первыми посетили Каппу Телескопа сто лет назад.

– Ясно, – кивнул я, и тут до меня дошел смысл второй части вопроса, заданного Фредом. Мне нужно было сказать «нет», но я посмотрел на выражение лица старого приятеля...

– Зачем я тебе? – с подозрением спросил я. – Мне вообще-то в другую сторону.

– А ты отложи дела, – с жаром произнес Фред. – Давай со мной, не пожалеешь. Там, видишь ли, живут Единороги.

– Большое дело, – небрежно сказал я. – Единорогов во Вселенной пруд пруди.

– Не таких, Иона! Нормальный единорог – тупая скотина размером со слона, неповоротливая и жрущая траву. А Единорог Блямзика – существо, появляющееся ниоткуда, когда его ждешь меньше всего, резвое, как белка, стремительное, как гепард, и умное, как... как Иона Шекет!

Если бы не последнее сравнение, я бы все-таки от поездки отказался – ну что я, в самом деле, единорогов не видел? Но скотина, равная мне умом...

– Когда отлет? – спросил я.

...Три дня пути до Каппы Телескопа мы с Фредом провели в каюте – у меня разыгрался приступ мизантропии, я не желал видеть пассажиров и донимал приятеля расспросами о блямзических Единорогах. В результате, когда нас высадили в порту Блямзика, я знал об этих тварях не больше, чем три дня назад, поскольку знания самого Фреда оказались столь же отрывочными, сколь и бесполезными.

У выхода в город висел огромный транспарант: «Берегись Единорога!» А чуть пониже приводились правила для гостей. Примерно такие: «Увидев перед собой рог животного, немедленно бросайтесь на землю и не шевелитесь, пока не получите разрешение спасательной службы! Ни в коем случае не махайте руками и не хлопайте в ладоши, это смертельно опасно, и служба будет вынуждена использовать против вас любое средство спасения, вплоть до лазерного прокалывателя печени!»

– Ничего не понимаю, – сказал я. – Почему хлопать в ладоши смертельно опасно, и почему спасательная служба будет спасать меня, прокалывая мою же печень?

– Не знаю, – страшным шепотом сказал Фред. – Именно поэтому мы с тобой сюда и прилетели. Чтобы понять.

– Так пойдем к диспетчеру или к тем же спасателям и спросим! – воскликнул я.

– Ни за что! – твердо заявил Фред. – Нас немедленно депортируют с планеты!

– Почему? – удивился я.

– А потому, – объяснил Фред, – что жители Блямзика убеждены: всем во Вселенной прекрасно известно, что представляют собой их любимые Единороги, и потому любые вопросы, свидетельствующие об обратном, они считают личным оскорблением. Представь, к примеру, что ты приходишь домой к президенту Соединенных Штатов Земли господину Ивану Варзагеру и на вопрос охраны, «Сколько у господина президента кошек?», отвечаешь: «Понятия не имею!» Долго ты после этого будешь гостем господина президента?

– Ни одной минуты! – согласился я. Действительно, о том, что в доме господина Варзагера живут семь кошек, знал каждый, это проходили в школах, об этом создавали фильмы и рассказывали анекдоты. Человек, не знавший Варзагеровских кошек в лицо, мог быть только дебилом или агентом внеземной разведки. В обоих случаях в доме президента СШЗ делать ему было нечего.

Что ж, если для жителей Блямзика их любимые Единороги были тем же, чем кошки для президента Варзагера, то я мог понять... местных жителей, конечно, но никак не содержание плаката.

– Разберемся, – бодро сказал Фред, мы взяли напрокат машину (гоночный «шерп», на котором можно сбежать не только от единорога, но и от ракеты класса «воздух-земля») и отправились в пририю искать Единорогов.

Погода была прекрасная – ясно, сухо, прохладно, перистые облака на небе... Я могу рассказывать о погоде достаточно долго, ибо кроме погоды на Блямзике ничего больше и не было. Степь да степь кругом. И все. Не только Единорогов, но даже простой лисицы. Насекомых, правда, оказалось невероятное количество, но нас с Фредом они не трогали – мимо с жужжанием пролетали мухи, быстрые, как самолеты, и огибали нас с искусством пилота «скайтранера», выполнявшего на высоте бреющего полета фигуру высшего пилотажа.

Сначала мы с Фредом ехали на юг по раздолбанной дороге, где даже 200 километров в час давались машине с трудом. Потом мы еще снизили скорость: Фреду пришло в голову, что единороги, возможно, боятся мчащуюся стрелой машину. Мы потащились дальше, делая в час всего 70 километров, и свернули к востоку просто для того, чтобы местное солнце – Каппа Телескопа – не светило в глаза.

Вот тогда-то мы и увидели Единорога.

Ужасное животное возникло слева от машины и чуть сзади. Я не заметил, откуда оно появилось, но бежал единорог резво, даже обгонял нас немного. Это стоило видеть: ноги как тумбы, хвост торчком, морда с огромным рогом во лбу. Рог сверкал на солнце, как начищенный дамасский клинок.

Фред хлопнул ладонью по кнопке экстренного торможения, и машина застыла на месте – если бы не ремни безопасности, нас обоих размазало бы по пульта управления.

– Эй, – сказал я, отдышавшись, – ты что, рехнулся?

Фредди не успел ответить – морда Единорога возникла перед ветровым стеклом автомобиля, на нас смотрели два маленьких глаза, а между ними сверкал рог, острый, как наточенный боевой меч. Что было делать? Оружия, как вы понимаете, у нас с собой не было – мы же не на охоту приехали, а в ознакомительную туристическую поездку! Залезать под сидение, спасаясь от рога, было недостойно моего самолюбия. А встречать смерть лицом к лицу у меня и вовсе не было желания. Пожалуй, единственное, что я мог предпринять в этих условиях, это...

– Не надо! – воскликнул Фред, увидев, что именно я собираюсь сделать.

Да собственно, я уже и сам понял, что – не надо. Меня предупредили об этом весьма элегантным способом: что-то сверкнуло, зашипело, и в спинке кресла рядом с моей головой появилось глубокое узкое отверстие. Такое отверстие способен выжечь в долю секунды лишь боевой лазер. Похоже, что сбывались угрозы, начертанные на плакате в космопорту Блямзика. Пройди луч чуть пониже, и «лазерное прокалывание печени» было бы мне обеспечено.

– Ну-ну, – сказал я философски и положил обе руки на панель управления, чтобы пресловутые спасатели видели меня, откуда бы они ни вели наблюдение.

Морда Единорога между тем продолжала висеть перед капотом, а нетерпеливые копыта били землю, правда, земля на это никак не реагировала – я хочу сказать, что, когда бьешь копытом, то должны быть слышны удары, да и пыль поднимается в воздух. Ничего этого не было, и в мою душу начали проникать черви сомнения. Я начал понимать, что на самом деле происходит, а Фред, похоже, все еще не понимал ничего и глядел в глаза единорога, как кролик в глаза удава.

Стараясь не делать резких движений, я нащупал клавишу реверса и дал задний ход. Машина покатила назад, а Единорог остался стоять посреди дороги. Он смотрел на нас с каким-то невысказанным сожалением.

– Смотри внимательно, – сказал я Фреду. – Постарайся заметить, куда он полетит.

– Кто? – удивился Фред.

– Да Единорог этот, кто еще, – раздраженно сказал я.

И все-таки момент мы пропустили. Стояло посреди дороги животное и вдруг исчезло. И рог перестал сверкать.

– Черт, – изумленно сказал Фред. – Куда он делся? Это что было – голограмма?

– Ничего подобного, – твердо сказал я. – Скорее, наведенная галлюцинация. Ты не заметил, куда он полетел?

– Нет! – вскричал Фред. – Ты не мог бы изъясняться понятнее?

– Пожалуйста, – усмехнулся я. – Помнишь плакат в космопорту? Тебя не удивило, почему нельзя махать руками, и почему спасатели грозят проткнуть тебе печень? Спасать они должны не тебя от Единорога, а Единорога от тебя, вот в чем дело! Видишь этих насекомых? Какое-то из них способно в минуту опасности превращаться в Единорога – точнее, создавать видимость. Если хлопнуть в ладоши, можно ненароком и прихлопнуть это насекомое! А оно наверняка редкое, вот его и охраняют от туристов, подобных нам с тобой. Туристов, видишь ли, много, а насекомых, вероятно, мало и становится все меньше. Если каждый турист размахивает руками или хлопает в ладоши...

– Понятно, – мрачно сказал Фред. – Садись, Иона, за руль, дальше поведешь сам. А то, если эта морда опять возникнет перед моим носом, я не удержусь и устрою бурные продолжительные аплодисменты, переходящие в овацию...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.